

УДК 81.2+82.3 (2РОС=РУС)

МАЛЫЕ ТЕКСТОВЫЕ ФОРМЫ РУССКИХ ТРАДИЦИОННЫХ СНОГАДАНИЙ

© 2011 г.

Т.С. Садова

Санкт-Петербургский госуниверситет

tatsad90@mail.ru

Поступила в редакцию 00.00.2010

Рассматриваются текстовые свойства и функции русских снагаданий, зафиксированных в форме приметы. На материале записей XIX века и современных полевых фиксации исследуется когнитивная природа традиционных фольклорных текстов.

Ключевые слова: функция текста, примета, когнитивная модель, знак, сон, грамматика.

По текстовой форме, по содержательной и функциональной природе русские снагадания (и в устном бытовании, и в письменной фиксации) соотносимы с народной приметой. Ср.: *Если мало звезд на небе – мало клюквы будет* [1, СДК-39]; *Если во сне корову увидишь – заболеешь* [1, СДК-19]. На наш взгляд, снагадания, оформленные в виде малых текстов двухчастной структуры, вполне могут быть квалифицированы как *сновидческие приметы*. Популярные и сегодня, снагадания имеют давнюю историю собирания и изучения.

По нашим материалам (более тысячи текстов – и в записях XIX века, и современные фиксации) можно выделить, по крайней мере, две группы сновидческих примет по функциональному признаку.

1. Приметы сна с ярко выраженной пророческой функцией. Эти тексты, как правило, имеют двухчастную структуру. В части Pr (present) находится обязательная «метка», какой-то узловой, актуальный сигнал, имеющий четкое ситуативное проявление в части F (future). Запись логической схемы такого суждения представляет собой опорную модель: $[P^1 \rightarrow P^2]$, где P^1 – первое суждение, с точки зрения семантики, информирующее о знаке сна. P^2 – второе суждение, в котором скрыт прогноз, «явление» знака в реальности: *Овец увидеть – получить богатство* [2, с. 151]; *Видеть голубей – целоваться с милыми и родными людьми* [2, с. 151]; *Подошва отрывается – к разводу* [3, с. 30]; *Корова приснится – это болезнь* [1, СДК-18]; *Бык снится – к жениху* [1, СДК-19].

Пророчество в этих приметах рождается на основе отмеченной связи между знаком сна, как демонстратором «параллельного» мира, и будущим событием в реальной жизни человека

(не природы, урожая, погоды и др. явлений окружающей действительности). В этом смысле прогностическая часть антропоцентрична, т. е. отмечена обязательным присутствием адресата коммуникации (а), поэтому общая логическая схема большинства сновидческих примет может быть представлена следующим образом: $[P^1 \rightarrow P(a)^2]$: *Собака приснится – будет тебе приятное* [1, СДК-19]; *Поле с хлебом видеть – жить богато и довольно* [2, с. 151]; *Рыбу видеть – плакать придется* [2, с. 151]; *Если змею или ящерицу, или лягушку видеть – хорошо, следует ожидать благополучия* [4, с. 137]; *Землю вспаханную видеть – к покойнику; заросшую – к гостям* [5, с. 140].

2. Приметы сна с функцией «откровения», неожиданной констатации неявного события. В таких текстах человеку открывается истинная суть происходящего или уже произошедшего: *Во сне волка видеть – жених объявился, жди сватов* [1, СДК-18]; *Если за пазухой видеть змею ли, ящерицу ли, лягушку ли – пошел благоприятный разговор о сновидце* [4, с. 137].

Приметы группы 2 имеют, чаще всего, особенности в грамматическом оформлении прогнозирующей F-части, основная из которых – наличие глагола совершенного вида с перфектным значением: *Вода грязная во сне – ты утопла в сплетнях* [1, СДК-29]; *Грибы собираешь – много врагов заимела* [1, СДК-49].

Логическая схема такого текста с учетом этого замечания может быть представлена в следующем виде: $[P^1 \rightarrow P^2(\text{perf.})]$. С точки зрения семантики текста, часть $P^2(\text{perf.})$ не имеет собственно прогнозирующего значения, соотносимого с будущим временем. В данном случае часть «будущее» (F) больше выражает время прошедшее или настоящее, чем будущее: *Если г... видишь – значит, тебя обманывают*

[1, СДК-29]; *Лошадь снится – идут сплетни о тебе, а ты и не знаешь* [1, СДК-19].

Сновидческая примета – попытка связать мир откровений души (сон) и мир повседневности. В этом и заключен ее когнитивный потенциал. Говоря же языком грамматики, сновидческая примета выражает особый тип категории обусловленности: она реализует заведомо иерархические отношения между двумя ситуациями (сон всегда довлеет над реальностью, он – есть откровение), поэтому она всегда биситуативна и не может свернуться до уровня «микроситуации» [6, с. 9].

Сновидческие приметы (обеих групп) как всякие речевые единицы имеют «центральные» и «периферийные» [7] текстовые признаки.

К центральному (доминантным) признакам отнесем, прежде всего, содержательную особенность их структуры, реализующей пророческую / констатирующую функцию.

Двухчастная структура сновидческой приметы актуализирует содержательную оппозицию «явь – неявь», имеющую ряд особенностей по сравнению с общей оппозицией «настоящее – будущее» в бытовых и суеверных приметах: 1) в сновидческих приметах практически не маркированы пространственно-временные отношения между знаком и означаемым (знаком и пророчеством: *Веник во сне или коса – к покойнику* [1, СДК-37]), в отличие, например, от метеорологических, суеверных (*Если на Антипу (11 апреля, ст. ст.) воды не вскроются, лето будет плохое* [8, I, с. 217]; *Кто спит под вечер 6 февраля, тот наспит кумаху* [9, с. 31]); 2) сновидческая примета «максимально внимательна» к вещи, предмету, ее качествам и свойствам, а не к действию или перемещениям в пространстве: *Собственная изгородь – сплетни от домашних; Чужая изгородь – сплетни от соседей; Разбирать изгородь – уничтожат сплетни* [4, с. 135]; *Знакомые люди во сне – к добру; незнакомые – куда-то придется ехать* [3, с. 30]; *Ключ чистый – прибыль, ключ мутный во сне – скука* [5, с. 140].

Знаковая номинативность, характерная для таких текстов, проявляется в том, что зафиксированные сновидческие приметы – это, в подавляющем большинстве, и м е н н ы е соответствия: *Овцу видеть – гости; Виши – деньги; Грязь – сплетни; Конь черный – плохо; Рыжий конь – хорошо; Свинья – встретить врага* и т.д. Такие предложения З.К. Тарланов называет «двухцентровыми», явившимися естественным итогом «развертывания исходных <...> субъектно-предикатных типов предложения <...> в направлении утверждения симметричного би-

центризма» [10, с. 9]. Глагольные знаки имеют тяготение к остановке, как бы фотографической, знаковой зафиксированности. Поэтому в сновидческой примете частотны либо инфинитивные, либо именные отглагольные образования: *Смотреться в зеркало – к стыду* [1, СДК-48]; *Смотреть в яму – к плохому* [3, с. 30].

Преобладающее строение предложений – речевые эллипсисы, имеющие в пророческой части чаще всего форму «дательного прогнозирующего» [7, с. 81]: *Во сне коса – к покойнику* [1, СДК-37]; *Медведя ли, собаку во сне увидишь – к другу* [1, СДК-50]; *Приснится покойник – к дождю* [1, СДК-36]; *Во сне яйцо видеть – к слезам, а иногда говорят, к чему-то новому* [1, СДК-48]; *Видеть мед – к болезни* [5, с. 140]; *Змей – к жениху* [3, с. 30]; *Девочка – к диву, мальчик – к хорошему* [3, с. 30].

Двухчастность текста сохраняется даже тогда, когда представлена кратчайшая модель, на грамматическом уровне представляющая двуцентровое предложение с общей семантикой обусловленности между частями «знак» (неявь) – «означаемое» (явь): *Виши – деньги* [1, СДК-36]; *Веник – к покойнику* [1, СДК-37]; *Часток во сне – мелкие сплетни* [4, с. 135]; *Мясо – к плохому* [3, с. 30]; *Платок – слезы* [3, с. 30]; *Лес – к добру* [3, с. 30]; *Медведь – к жениху* [3, с. 30].

В качестве периферийных, т.е. вторичных, собственно «поэтических» особенностей языка приметы, когда наблюдается игра со словом, можно отметить, прежде всего, созвучие слов-знаков сна с последующим названием пророчества: *Если яйцо во сне увидишь – кто-нибудь явится* [1, СДК-37]; *Видеть лошадей – будет какая-нибудь лошадь* [4, с. 136]; *Во сне грибы – грибиться будешь, к болезни это* [1, СДК-37]; *Реку видеть – слышать речи* [2, с. 149]; *Девочка во сне – диво, удивительное известие* [2, с. 150]; *Маня – обманут, Дуня – надуют* [3, с. 30].

Из периферийных свойств отметим и весьма редкие попытки рифмовки знака и означаемого им явления в реальности: *Если во сне голый – будешь одновыи* [1, СДК-49]; *Волк во сне – друг при мне* [1, СДК-50].

В большинстве случаев предметные соотношения, которые демонстрирует сновидческая примета, сходны по своей архетипической семантике (прежде всего, в содержании общекультурной оппозиции «добро – зло») с соотношениями, традиционными для классических (бытовых) примет; ср.: *Встретить простоволосую бабу – к сплетням, плохому* [11, с. 10]; *Видеть простоволосую бабу во сне – с кем-нибудь поссориться* [2,

с. 150], *Найдешь мелкие серебряные или медные деньги – к слезам* [1, СДК-49]; *Во сне монеты – к слезам* [3, с. 30].

Часто сновидческая примета представляет мир сна как зеркальное отображение мира реального, словно подчеркивая полярность двух миров: *Ангела видеть во сне – нехорошо; а беса видеть – хорошо* [12, с. 58]; *Суется во сне – спокойствие* [12, с. 63]; *Видеть огонь – к морозу* [2, с. 149]; *Всякий плач и горе во сне разрешается радостью наяву* [4, с. 136].

Свойство сновидческой приметы быть содержательной, смысловой «выжимкой» текста рассказа о сне и, наоборот, являться толчком к созданию обширных текстов, раскрывающих суть приметы, роднит ее с традиционными народнопоэтическими малыми формами, способными сворачиваться и разворачиваться в зависимости от коммуникативных потребностей, но всегда – в соответствии с устойчивыми текстовыми моделями, традиционно оформляющими конкретную коммуникативную функцию.

Список литературы

1. СДК – Архив кафедры русского языка СПбГУ «Духовная культура Русского Севера в народной словесности» (номер экспедиционной тетради).
2. Дерунов С. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 149–151.
3. Якушкина Е.И. Народный сонник из Каргополя // Живая старина. 1999. № 2. С. 29–30.
4. Никифоровский Н. Я. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение, 1898. № 1. С. 133–139.
5. Ляцкий Е. Материалы для народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1898. № 1. С. 139–149.
6. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. СПб., 1997. 200 с.
7. Харченко В. К. Язык народной приметы // Рус. яз. в школе. 1992. № 1. С. 78–82.
8. Ермолов А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. I–IV. СПб., 1901
9. Сахаров И.П. Сказания русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885.
10. Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии. Петрозаводск, 1999. 208 с.
11. Кавелин К. Несколько слов о приметах // Архив ист.-юр. сведений, относящихся до России. 1850. № 1, отд. VI. С. 3–13.
12. Романов Е. Опыт белорусского снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. Кн. III. С. 54–72.

SHORT TEXT FORMS OF RUSSIAN TRADITIONAL DREAM DIVINATION

T.S. Sadova

We consider textual properties and functions of Russian dream divination recorded in the form of omens. Using the material of 19th century and modern field records, we investigate the cognitive nature of traditional folklore texts.

Keywords: function of the text, omen, cognitive model, sign, dream, grammar.